
Ольга АНДРЕЕВА

ДЕЦИМЫ

От автора

Старшеклассницей я прочла вышедшие в 1977 году «Камешки на ладони» Владимира Солоухина — прозаические миниатюры о чем угодно, законченные кванты повседневности, культуры, политики — отмеченные писателем в его записной книжке.

Я веду дневниковые записи с детства. Среди них есть длинные житейские сюжеты и откровения — а есть и вот такие короткие самодостаточные «камешки».

Чтобы они легче воспринимались читателем, я разбила их по десять штук. Поэтому «Децимы». Три части произведения соответствуют хронологическим периодам: девяностые годы, нулевые и десятилетия.

Предвижу упреки — это же эклектика, калейдоскоп. Но жизнь у нас всего одна, поэтому в ней чередуются и объединяются в немыслимые конструкции как политика с философией, так и быт, и путешествия, и воспитание детей, и работа. И стихи — особенно если ты их пишешь.

Буду рада, если вам будет интересно читать. Возможно, в наше клиповое время такая форма удобнее, живее, актуальнее, она чем-то напоминает твиттер. Примите благосклонно мою небольшую коллекцию.

ДЕВЯНОСТЫЕ. СВОБОДА И БЕЗРАБОТИЦА

1.

Мы огорчаемся звонку будильника — началу нового дня. Мы радуемся, когда кончается рабочий день. Это противоестественно. Разве мы хотим, чтобы жизнь скорее прошла? Спешка — та же теснота, только во времени.

Разговор в автобусе: «А мы свое пианино топором порубили и выбросили. Хотели продать — но оно в дверь не проходило. Муж новые двери сделал, узкие. Ну и пришлось выбросить. Слава богу, а то такая глыба стояла, черная, так меня раздражала!»

Я обметаю паутину в доме — но никогда не убиваю паучков. Это, конечно, нелогично — надо бороться с причиной, а не со следствием. Но... есть поверье, что пауки приносят в дом счастье. Я не особо верю и не развожу их в корыстных целях. Просто

Ольга Юрьевна Андреева родилась в г. Николаеве (Украина). Окончила институт инженеров транспорта в Днепропетровске, по профессии проектировщик автомобильных дорог. Автор восьми поэтических сборников. Проза публиковалась в журнале Юрия Кувалдина «Наша улица» и в «Поэтограде» Евгения Степанова. Стихи опубликованы в журналах «Новый мир», «Нева», «Prosodia», «Южное сияние», «День и ночь», «Плавучий мост», «Эмигрантская лира», «Дети Ра», «Новая Юность», «Крещатик», «Зинзивер», «Аргамак», «Ковчег» и др. Живет в Ростове-на-Дону.

рука не поднимается на высшее существо, обладающее таким чудесным даром. Все мы язычники, гораздо в большей мере, чем сами об этом знаем.

Познавший все и прозревший все не смешон. Но смешон юный и неопытный, поверивший ему на слово.

Подумать только — ведь в смысле комфорта я живу намного лучше какой-нибудь средневековой принцессы!

...И он вернулся в свою квартиру, где все прохладно, зашторено, прямоугольно, отдыхал на этой прямоугольности от хаоса солнечного вечнозеленого мира, поползновений этого мира на неприкосновенность его тела — всех этих комаров, колючек, камушков, ветра, жары, песчинок в лицо — всей этой липкости, щекотности и антисанитарии.

Считать себя жертвой чего-то — иногда это уже агрессивность. Зачастую агрессор искренне считает себя жертвой, а свой гнев — праведным. Порой жертва и мучитель — две стороны одного явления.

Вот загадка для атеистов. Человек к вечеру устает. Ночь спит. Утром свеж. Если не Господь согласовал по времени эту нашу цикличность с вращением Земли — то кто же?

Слово «воля» заключает в себе два противоположных смысла. «Свобода» и «насилие». Своя воля — свобода. Чужая воля — рабство. Что же такое просто воля? «Сила воли». Нельзя ли без нее совсем? Ничьей не хочу, даже своей.

Нет большей пошлости, чем демонстрировать разочарованность. Это твоя вина, если ты не находишь радости там, куда сам пришел.

2.

19 августа 1991 года. Маленький южный город, утро, я иду на работу через сквер. Вдруг в нем включается радио — я даже не подозревала, что оно там есть. Обращение к гражданам СССР, ГКЧП... На работе — на судовой верфи — тоже все в полном недоумении. Что происходит? Где Горбачев?

Но работы у программистов много, а там без нас разберутся. Эти события в целом не изменили нашего образа жизни.

Горбачева 19–20 августа в Форосе видели в бинокль моряки (из нашего города) с корабля, стоящего на рейде. В плавках на пляже, больным не выглядел.

29 октября 1991 года бухгалтерия попросила убрать из программы по зарплате комсомольские взносы. Так для меня закончился комсомол.

Дядя Саша, у которого мы снимаем флигель, делает деньги из чего угодно. И это «что угодно» творит с душой, с удовольствием. Овощи, фрукты, виноград. Козлята. Вино, самогон. Саженьцы. Рыбалка. Ремонт телевизоров, сдача квартиры. И работа, наконец. (Кстати, ему всего сорок лет, и на «дядю» он обижается — но выглядит именно так...)

Девушка продает с лотка аудиодиски. Я к ней с вопросом: «А классика на CD у вас есть?» Она задумчиво и придиричливо оглядывает полки, зачем-то вынимает Агутину, разглядывает со всех сторон, разочарованно ставит на место.

— Нет, классики, кажется, нету. Но вот лирика есть! — протягивает мне кассету «Лирические песни о любви».

Аргумент сторонников строительства метанолахранилища в Азове: «Производство метанола присуще нашему краю исторически». (Потому что в Новочеркасске такое счастье уже есть.)

Передача «На службе Отечеству». Музыка Окуджавы, синее-синее небо, и в него улетает стремительная, такая красивая ракета СС-30 и зависает, дрожа огоньком, в бездонной выси. Ничего циничнее до того я еще не видела. Зато потом...

Вот до чего же наши азовчане тонкие люди. Картошку на вкус отличают — где головатовская, где кагальницкая — а где привозная, она заведомо хуже. Яблоки местные — тоже на порядок выше ценятся.

Вот бы такую же тонкость — в восприятии стихов, музыки...

Старики... Один дедушка-поэт назвал свою книгу «Жизнелюб». Везде-то у них оптимизм брызжет. А все почему? Уже сняла с них жизнь самую непосильную ношу — страх, неуверенность в завтрашнем дне. И стремление кем-то стать, прыгнуть выше головы. Честолюбие отпустило, и появилась возможность увидеть простые и радостные вещи.

Уровень развития современной цивилизации уже не вызывает во мне священного трепета. До сих пор не придумано средство против лесных пожаров. Против СПИДа и разных глупых лихорадок. Нет приема против боевиков, засевших в горах и разных точках города: на крышах, в подъездах, в подземных коммуникациях.

А тот факт, что в мире миллиард голодающих — то есть каждый шестой... И каждый божий день на планете умирают шестнадцать тысяч человек — от голода! И страны, правительства, государства не могут ничего изменить.

Это хуже средневековья. Тогда меньше было страдальцев. Население в целом было меньше, и его совокупная боль была меньше.

3.

Каноны красоты — вещь очень относительная. Один знакомый якут говорил: «У меня жена красивый. Лицо ровный-ровный!»

Лестница подземного перехода. Бабушка собирает милостыню. Обычный голос, обычная интонация. Ближе подхожу, слышу:

— Подайте больной бабушке на пиво...

Все улыбаются, подают. Неожиданная живая речь нищенки согревает каждого — все не так плохо в мире, если даже ей весело!

Голосование на судоверфи за варианты приватизации. По второму варианту мы все покупаем акции за ваучеры (на одну вторую) и наличные — за вторую половину. С коэффициентом 1.7 от стоимости акции. Нас склоняют именно к этому варианту. Голосование открытое, всех проголосовавших иначе обещают, по слухам, сократить.

Похоже, сегодня слабыми у нас считаются люди, у которых есть совесть, а сильными — те, у кого ее нет.

Звонит телефон. Алло, говорю. В ответ: «Позови кого-нибудь из взрослых». Я от неожиданности: «Да, сейчас мужа позову».

Вчера опять горел универмаг. Он у нас регулярно горит в конце года, чтобы покрыть недостачу и свести баланс.

Смешно — это когда то, что ты слышишь, разительно отличается от того, что ты собирался услышать. И то, что ты слышишь — внезапно точно и честно, в отличие от штампов и привычных пресных форм обычной речи.

Моя знакомая Елена Ивановна — фаталистка.

— Я молоко зимой только в пакетах покупаю. Хоть домашнее и вкуснее, но точно знаю: с банкой я поскользнусь и упаду. Так не падаю — а с банкой обязательно! Молока не жалко — себя жалко.

У Пикассо голый мужчина выглядит нищим и несчастным, а обнаженная женщина — богата и щедра.

И ты опять, возясь в обмылках и грязи, готовишь ослепительно чистое Завтра, которого не будет...

4.

О лицемерии церкви. Табличка в соборе: «Свечи, купленные не в этом храме, не принимаются как жертва».

О лицемерии верующих. Моя бабушка рассказывала — во время голода двадцать второго года на Украине она, как и многие другие, шла с подругой пешком на Западную Украину, где было больше хлеба. В селах странников пускали переночевать. Но перед Пасхой, наведя порядок в домах, пускать перестали — чтоб не наносили грязи. Вот и думай, что богу более угодно — помочь голодному или чистоту соблюсти...

Муж подруги пришел домой абсолютно счастливый: удалось недорого купить настоящую казачью шашку! Он недавно вступил в казачью дружину. Он дежурит по ночам в ресторане, скоро получит погоны хорунжего.

Вынул шашку из ножен, красиво размахнулся — и разбил люстру...

Большинство людей в недоумении — что делать с ваучерами. Но почти сразу появились предложения продать — кто-то их скупает большими партиями. Знакомая рассказала, что ее родня во Владивостоке продала ваучеры китайцам — те скупают, и дорого.

Нам не дано знание ни о том, что было до нашего рождения, ни о том, что будет после смерти. Наверное, неспроста. Не под силу человеку тащить такую память и такую надежду. Ему дано преобразовать этот мир, здесь, сейчас.

Есть люди, с которыми достаточно пообщаться, посмотреть на них, чтобы поверить в существование бога. И именно эти люди часто объявляют себя атеистами!

По ТВ, вполне серьезно и авторитетно:

«В доме, где есть кошки или собаки, полтергейста нет!»

«Когти собаки должны быть покрашены в тон платья хозяйки».

А ведь уровень шансона тоже кому-то кажется предельно трогательным и глубоким. Тем как раз, кому более тонкие и сложные уровни пока недоступны. Толщина кожи у всех разная.

Знакомую крашеную блондинку как-то спросили: «Девушка, а ваши волосы при жизни какого цвета были?»

Десятилетний Миша, впервые попав в пионерлагерь, был там одним из самых младших. Мама повязала ему пионерский галстук, хотя он еще был октябренок. Но это не помогло. Мальчишки дрались. Баловались. В комнате их было человек десять. Шум, визг. Обиды, дразнилки.

И тогда Миша подошел к вожатой и попросил перевести его в отряд девочек.

5.

— Что ты выделяешься??? — так когда-то дословно звучала главная претензия ко мне моих одноклассниц...

Помню, как я в студенческие годы закрывала глаза на некоторые касавшиеся слуха страшные вещи, потому что в целом все было прекрасно. Это была наивность, трусость — или интуитивная мудрость?

Я и сейчас закрываю глаза — умею! — на отдельные штрихи, — чтобы увидеть прекрасную цельную картину.

Иногда даже на войну можно ради этого ненадолго закрыть глаза. Кто знает, возможно, только тогда и появится шанс из нее выбраться.

Студенческие годы. Возмущенная антисемитскими высказываниями Томки Антиповой против Регины, я уже собиралась вмешаться, но тут Регина парировала:

— Дура колхозная! — и я в священном ужасе прикусила язык. Ибо это было — еще хуже...

Браки заключаются на небесах? Seriously? Тогда почему так много семейных пар у нас на курсе стояли рядом по алфавиту — а следовательно, вместе делали лабораторные по химии и физике?

Тая работала оператором в нашем компьютерном отделе на судоверфи. Все незанятое работой время что-то писала на маленьких бумажках. Позже мне рассказали что. На каждом листике из крохотного блокнота одно слово — «позади».

— Тая, зачем ты пишешь это слово? — Тая улыбается всем своим полным лицом приветливо и беспомощно:

— А что писать?

— Кот объедает на даче огурцы. Не все. Только самые красивые. Что приятно — не только у нас, но и у соседей.

Ничего. За этот час я успею доехать до Азова — а в Азове время течет медленнее.

Мультик по Катаеву — «Цветик-семицветик». Бабушка в конце дает Жене еще один цветок... Обесмыслив этим всю сказку!

Из передачи о животных: «О неверности самок кошачьих лемуру ходят легенды...»

Когда видишь, что человек тебя боится (твой ребенок, скажем) — не по себе... Неужели кого-то это может радовать?

6.

День рождения у начальника рыбнадзора в нашем городе породил множество слухов. Питон. Крокодил («дрессированный») с пастью, заклеенной скотчем. Девушки топлес, позже — в трусах, в которые богатые клиенты засовывали деньги.

Дважды в день прохожу мимо этого плаката, и каждый раз жалею, что нет с собой черного маркера. «Каждый потерянный кирпич, бьет по карману, предприятие твое». Мне скоро приснятся эти две запятые.

«Завтра еду в Замоскворечье, в гараж. Приготовь мне шестьдесят справок на морфий. Дома все убери, чтоб ничего не было. У Паши всех повязали. Куда? В самолет? Да что ты, в самолет даже с пластмассовым пистолетом не пустят...» (светленький ма-а-сквич в ростовской маршрутке, по мобиле). Что это было?

После продажи дедова «запорожца» нам продолжали звонить по объявлению. Узнав, что продан, интересовались все же: «А какого он был цвета?»

— Я с каждым днем чувствую, как воздух вокруг меня разрежается, разрежается — и остается вакуум, — сказал он через месяц после защиты диплома.

Хемингуэй писал, что в молодости они с женой были по-настоящему бедны. Они ездили отдыхать в Швейцарию, его жена не работала, у их сына была бонна.

Неужто только в русском языке седьмой день недели называется воскресеньем, по Евангелиям?!

Одиннадцатилетний мальчик тонул — молча. Стеснялся крикнуть. Взрослый мужчина увидел — спас...

Чувство логики — а значит, и справедливости.

Маленькие дети пугают своей податливостью. Послушностью. Даже больше — полным доверием. Мгновенно трезвеешь, взрослеешь, перестаешь прикалываться, делаешься серьезным и ответственным. Самокритичность прорезывается — ибо внешняя критика исчезает начисто, — а ты ведь так привык, что мир сопротивляется тебе и что люди с тобой не согласны...

7.

В 1992 году один приятель пытался мне объяснить, что такое Интернет. Как же я над ним потешалась — уверена была, что это он фантастики обчитался.

На улице большого города во мне возникает ощущение полета, а на улицах малого — не возникает. Не идут со мной рядом десятки людей, нет чувства, что я — крупица человечества. Слишком часто встречаешь знакомых — это мешает отстраниться от своей маленькой частной жизни.

Нельзя подрывать в ребенке его базовое доверие к миру, думать надо, что говоришь.

Эта гламурная культура в конце концов укусит свой собственный хвост — потому что ничто живое глянцевым не бывает.

Когда я в еще 1986 году, будучи комсоргом в мостоотряде, собирала подписи в поддержку Леонардо Пелтиера, мои комсомольцы прикалывались: «Не знаем, кто такой Леонардо и где этот Пелтиер, но пока его не отпустят, мы на работу не пойдём!»

Вспомнила о своей первой командировке — еще в 1986-м. Хурма, привезенная мной в Барнаул из теплых краев, из Ростова, оказалась терпкой, вяжущее ощущение во рту мешало говорить. Все предлагали угостить ею главного инженера перед планеркой.

У строительного мастера нет четко сформулированных обязанностей. У него скорее дипломатическая миссия буфера — между гегемоном-пролетарием и большим начальством. Большое начальство бывшего гегемона побаивается. Ему не хочется гробить нервы и терять лицо. Поэтому нужен мастер — подавленное виноватое существо, которого можно ругать и сверху, и снизу. Начальство постоянно грозит лишить премии или загнать в командировку в медвежий угол. Гегемон в силу постоянного с ним контакта и численного превосходства давит морально на неокрепшую психику молодого специалиста. «Идешь на поводу у рабочих» — постоянный упрек сверху, и «выслуживаешься за наш счет» — главная тема снизу. Поэтому мастера часто спиваются, параллельно становясь заматерелыми прорабами, или сбегают в проектные институты — вариант для особо нежных. Иногда уходят в гегемоны — чтобы спокойно спать и больше зарабатывать.

У меня закаточный ключ такой неудобный, что из него застрелиться хочется.

По областному телевидению программа «Просто жизнь». Молодой офицер поднял проблему — водка на войне. Он сказал, что девяносто процентов ребят в Афгане погибли нетрезвыми — из-за частичной потери бдительности, на минном поле и т. д. (Даже упоминал, что Александр Македонский был алкоголиком, пировал с побежденными царями и дарил им отвоеванное у них же.)

Конечно, писать о весне — уже граничит с пошлостью. Но в свою двадцать шестую весну вдруг замечаю, что дом напротив опутан паутиной винограда, что на этой лозе держится-качается странной формы скворечник, в котором временно, без прописки — как мы — живут воробьи. Я все это замечаю потому, что моя доченька все это видит в первый раз.

8.

Сколько судеб может исправить один солнечный день.

Ни октябрь 1993-го, ни декабрь 1994-го не были мною осознаны и прочувствованы — я жила в другом мире. В ноябре 1993-го родилась младшая. Со старшей мы уже занимались в музыкальной школе — ей к началу учебного года было четыре, и она уже давно умела читать.

Впрочем, о начале октября 1993-го рассказал знакомый, из казаков. Они поехали тогда в Москву поддержать Ельцина. В Москве их встретили, какой-то миллионер помогал их устроить. Выдали оружие, каски, бронежилеты. Но сказали, что Ельцин им не очень доверяет, потому что какие-то другие казаки перешли к Руцкому. Потом они были на первом этаже Белого дома, там все заминировано. Видели, как стреляли в мирных людей, в одиннадцатилетнего мальчика (что он там делал??), потом брали гостиницу «Россия». Слава богу, никто из них не пострадал, одного слегка задела пуля. Знакомый мой привез на память трофейную резиновую дубинку.

Пока я была в декретном отпуске — наша судовой разорилась, никакой другой работы в южном небольшом городе не было тоже.

На улицах появилась цыганка-гипнотизер. Убеждает женщин отдать ей деньги и драгоценности, те идут домой и все ей выносят, она исчезает, а они хранят тайну еще несколько дней. А потом, очнувшись, стыдятся идти в милицию — непонятно, как там объяснять собственное поведение.

На рынке девочка лет пяти просит на хлебушек. Какая-то тетка сердито выговаривает:

— А мама почему тебя не кормит?

— У мамы нету! Маме даже курить нечего, — совершенно искренне жалуется ребенок...

Ей жаль маму. А свою жизнь она считает вполне хорошей. Так считают все дети. Они не сравнивают свою жизнь с чужими, с идеалом. Двойственность их не гнетет.

У соседей из 155-й сын Славик три месяца не пишет из армии. Был в Волгограде, а сейчас «неизвестно где» — родители боятся произнести слово Чечня...

Продавщица на рынке только что говорила со своей товаркой нормальным голосом. Но тут подошла я, и она «включила дурочку»:

— Пожалуйста, лапочка. Что мы желаем? Огурчики свежие, по четырнадцать рублей полкилограммчика...

В этой наигранной ласковости было столько агрессии и раздражения, что я поспешила уйти.

Очень довольная собой мамаша на людях отчитывает свою девятнадцатилетнюю дочку:

— Подписку собирать она не может! Позвони в дверь, улыбнись человеку, скажи приятным голосом, какая это хорошая газета... Да иному мужику просто приятно де-вушке деньги дать, а газета ему и не нужна!

— Не хочу я никому улыбаться. Газеты разносить буду, а уговаривать — не хочу.
— А как же ты жить собираешься? В наше время надо улыбаться людям, а иначе на хорошую работу не устроишься! Я тебя специально на эту работу устроила, чтобы ты общалась с людьми научилась!

Моя знакомая челночит, ездит из Сочи в Турцию на «ракете». Дорога от семи до одиннадцати часов, вдоль Грузии. А в Турции у них всего четыре часа, чтобы набить баулы одежками — и обратно на «ракету». В Сочи их встречают рэкетеры. А вот в Турции рэкетиров нет вообще, закон к ним очень суров.

9.

Служащая из службы занятости призывала меня к рабскому труду во имя убедительности трудовой книжки.

Они написали, что у них есть вакансия. Я пришла. На вопрос о том, какая у меня специальность, ответила — инженер-строитель. «Хорошая специальность», — непонятно усмехнулся директор. Я про себя удивилась — ведь у него, очевидно, такая же. Меня взяли и два месяца ничего не платили, потом я уволилась. Несколько таких опытов внесли живость и разнообразие в жизнь нашей семьи, но не дали ни денег, ни профессионального роста. Зато у меня было достаточно времени для маленьких дочерей, с их музыкальными школами и балетными студиями.

Моя подруга окончила курсы тибетской медицины. Правда, в выданном ей по итогам курсов удостоверении написано «тибецкой». Она демонстрировала свои новые навыки — нарисовала проекцию моей ауры. Обнаружила некоторые отклонения от нормы. Ауру определяют так: когда маятник подносят к ее границе, он от нее отталкивается.

У вишни вкус божественный. Прозрачные, сочные, непостоянные, длящиеся и меняющиеся, сияющие в моем ведре черные жемчужины... Куда там туповатой сласти черешен! Сбор вишни — священнодействие.

У закомплексованного с детства человека очень многое в его жизни — необходимое и прекрасное — проходит мимо его внимания. Он слишком поглощен тем, чтобы доказать себе и миру, что он — хороший!

Кришнамурти — «только невинные, чистые люди обладают страстью».

Если человек при мне посмеялся над своим недостатком — этот его недостаток для меня перестал существовать.

Приятель рассказал жуткую историю: в очереди к зубному врачу он мучился рядом с парнем, который был в Карабахе, воевал там. Стал его расспрашивать. Тот вдруг дико затряс головой и закрыл лицо руками. Когда вошел к врачу, попросил сделать ему все без наркоза! Когда вышел — из угла рта стекала струйка крови...

Исповедь. Стоит очередь, священник подманивает пальцем впередстоящего, тот что-то суетливо бормочет, священник лениво и с легким отворачиванием кивает.

Стихи приснились. Постмодерн. «Часы. Непогода. Кукушка ушла в декрет. Поэтому время плывет баржей невесомой».

10.

«Лезвие бритвы» Ефремова я так и не дочитала. Взяла под залог в библиотеке, понравилось — живо, умно, наивно, хорошо. Но срочно понадобились заложенные десять тысяч — пришлось сдать обратно. Смешно, О'Генри прямо.

Я купила по случаю недорого программируемую печатную машинку «Ромашка». Чудо техники, стоит на ней набрать однажды любой текст — она его запоминает и потом распечатывает сколько угодно раз. Занесла в нее несколько своих стихов. Потом, когда ко мне приходили, показывала: вот машина сама стихи сочиняет. Включала — она печатала. Многие поверили.

Через полгода у нас на работе появились благословенные ПК и Word.

Старшая с четырех лет учится в музыкальной школе. А нотные тетради в магазинах исчезли совсем. Я разлиновала ей белые листы, скрепила скрепками. И тогда наш преподаватель сжалась над нами и рассказала о существовании чудо-машины — ксерокса. И что у ее знакомой в городской администрации доступ к этому чуду есть. И принесла нам от нее пачку разлинованной нотной бумаги. Позже я прочла, что первые ксероксы в СССР возникли в 1966 году. Но в целях борьбы с самиздатом их не разрешалось иметь простым смертным. И бедные юные музыканты годами переписывали ноты от руки, сажая зрение.

Узнала от знакомой, у которой муж работал на городском телеканале. Их пятилетнего сына пригласили на специальную елку. Как объяснила мать, «там чествуют детей известных людей города».

Под Азовом есть поселок Сухая Балка — там практически не бывает дождей.

Бабушка почти не видит. Ощупала пальцами лицо приехавшей погостить правнучки и сказала: «Красивая девочка».

1996 год. Мы с подружкой обсуждаем, за кого надо голосовать — выборы президента. Ельцин, Явлинский, Лебедь...

— За Лебеда! — доносится из коляски. Человеку два с половиной, человек участвует в разговоре. Ее позицию понять легко — конечно, Лебедь, не Зюганов же, нет такой птицы!

Дети верят, что в мире все разумно и логично. И все неразумное пытаются объяснить. А когда начинают подмечать двусмысленность человеческих поступков — кончается детство потихоньку. И ты привыкаешь к этой двусмысленности, смиряешься с ней, подозреваешь ее уже везде и во всем — даже там, где ее нет и в помине. И уже не выглядишь таким же беззаботным и счастливым, как другие дети, «нормальные», то есть не настолько наблюдательные. И тебя уже не так балуют взрослые — они тебя стесняются, ты уже не дитя.

Еще до моего ухода в декретный отпуск у нас в отделе начались рыночные отношения. На предложение начальника сократить штат для увеличения зарплаты я спросила: будем жить по волчьим законам? Он временно прикрыл тему.

Судоверфь наша почти остановилась, из полутора тысяч работают двести человек — и тем не платят. Зато руководство открыло в городе несколько магазинов, живут «на дивиденды».

11.

Священник по телевизору: «Шесть дней — это условно, ибо сутки возникли только после Солнца и Луны...»

Мальчик-левша играл на баяне, переворачивая его.

Когда часто переезжаешь с места на место — особенно остро понимаешь, что все мы здесь только гости...

Я почему-то в очках хуже слышу! И хуже соображаю. Все правильно. Женщины слышат глазами, любят ушами, думают сердцем.

«Мне доктор посоветовал к бабке пойти».

Во всех экстрасенсах есть нечто фамильярное, неуловимо-развратное... Почему бы это? Как в цыганках, которых с детства учили врать. Одна и та же стилистика.

Света: «Если ты часто моргаешь — значит, у тебя глаза блестят».

Одиночество вдвоем куда хуже просто одиночества. Просто одиночество — прекрасно.

Новости приморского города: валютные проститутки заходят в ковш экскаватора, и он их переносит на закрытую территорию порта.

Бывает любовь болезненная, истерически-припадочная... Когда человеку с издерганными нервами кажется, что он может горы свернуть для любимой или для ребенка... Здоровое чувство — широкая ровная река, только оно поможет ребенку, эти горные потоки взрывной нежности ему вредны.

12.

Мальчишки обвязывают камни белым платком, бросают в темноте — и на камень пикируют летучие мыши. Некоторые падают и разбиваются.

Развивать способности, заложенные богом в твоих детей, — это и есть твоя вера. Ведь таким образом Он выразил свою волю в отношении этого человека — заложив в него именно этот талант.

90-е. Наконец-то поняла, что меня отвращает от штампованных газетных суждений о нашем времени. Это слово Свобода. Меня уверяют, что у меня она появилась. Вранье. Нищета несовместима со свободой.

Я — модель человечества. Мой мир — модель мироустройства. Если я добьюсь гармонии в себе — она пустит корни по соседним маленьким мирам, распространится... Мы же не знаем, как работает эта система, возможно, именно так.

Мне удалось проработать три месяца программистом. В маленькой фирме программный комплекс такой же, как на нашей закрывшейся судовой верфи — вернее, оттуда и взят. Босс фирмочки решил баллотироваться в мэры нашего городка — и нужны были временно дополнительные силы, знающие язык.

И в первый же мой рабочий день к программистам пришла с капризной претензией бухгалтер из отдела образования: «Ваша программа какой-то бред распечатывает в расчетных листочках». Ошибку быстро нашли и устранили. Позвонили заказчикам, извинились, в свое оправдание программист Марина сказала: «Это к нам приходили ребята компьютеры ремонтировать, кто знает, возможно, у них отвертка была с вирусами, оттого и сбой». На том конце сочувственно поддакивали. Я поняла — сработаемся.

На улице очень ясно, тихо и холодно. Солнца нет. Природе как будто стыдно за вчерашнее.

Если сказать: «У нее красивые нижние зубы» — все обязательно обратят внимание на верхние.

Говорят, так лечатся горцы: съедают две ложки соли, запивают водой и весь день ходят по горам. Помогает от всего.

Мы ж люди тонкие, нежные, нервно-психические. Когда в середине жаркого июля нет солнца, в нас возникает иррациональное чувство вины — за что? Перед кем? А когда оно сияет — все хорошо, ты прощен...

Оставаться всю жизнь ребенком — это хорошо. Но не младенцем!

13.

В любом деле сначала мешает инерция. Потом она же помогает.

Сальность, сказанная лениво и вальяжно, выглядит куда грубее, чем энергичная и с юмором.

Сама энергия как бы очищает слова. Огонь — очищает. Хварна, да.

Многие люди путают достоинство с агрессивностью...

Дедом Морозом для моих девочек всегда наряжался наш друг Герман. Но когда Аленке было пять лет — она узнала его, несмотря на бороду и шапку-боярку. Прибежала ко мне и шепчет:

— Странно. Всегда Дед Мороз приходил, а в этом году — дядя Гера...

Деревья бывают трехцветными, как кошки, они мурлычут, и ветер их по шерстке гладит.

Моя уже взрослая младшая дочь как-то прочла притчу «Я просто помог ему плакать» и вспомнила, как она в том же нежном возрасте, в пять лет, помогала дяде из другого подъезда ходить по двору на костылях — переставляла ему костыли. «Он где-то полчаса меня терпел».

Дед утром на остановке продает мне яблоки. С земли. «Шестьдесят рублей. Это мальбах, королева ранних сортов. Я продаю, мадам, а не перепродаю.»

Две четырехлетние малышки в озере на карьере купаются со своими барби в руках, каждая свою озвучивают.

Потом одна девочка другой предлагает:

— А давай мы не боялись воды?

Один из моих ночных кошмаров — никак не могу собрать всех подписей в каком-то обходном листе. Символично...

В первом классе детям раздали листочки с задачей-загадкой, велели решить дома с родителями. Света прочла, подняла руку и сказала ответ. «Летела стая гусей, а на встречу им летит один гусь и говорит: „Здравствуйте, сто гусей!“ — „Нас не сто гусей, — отвечает ему вожак стаи, — если бы нас было столько, сколько теперь, да еще столько, да полстолька, да четверть столько, да еще ты, гусь, с нами, так тогда нас было бы сто гусей“. Сколько было в стае гусей?»

— Тридцать шесть? — спросила Света.

— Ты знала? Или прямо сейчас решила?

— Прямо сейчас. По четвертям. Четыре четверти плюс еще четыре плюс две плюс одна — это одиннадцать четвертей. И это девяносто девять. Значит, одна четверть — девять, а целая стая — тридцать шесть.

— Но откуда ты знаешь про четверти? Ты знаешь дроби?

— Я же в музыкальной школе учусь, — улыбнулась Света.

14.

На нашей судовой спускали на воду буксир — долгожданный, у всех появилась надежда на выплату долгов по зарплате.

Привязанная веревкой за горло бутылка шампанского не хотела разбиваться, крутили эту лебедку несколько раз. Потом главный инженер взял бутылку в руки и со злостью шмякнул о борт.

Буксир простоял у нас еще полтора года, потом наконец продали по какому-то бартеру, вместо зарплаты нам предложили брать кожаные плащи и спортивные костюмы, весь городок оделся почти одинаково.

За эти десять лет у нас было двенадцать переездов по частным квартирам.

2000 год. У входа в рынок — столик, красный флаг, дедушка-агитатор: «Вступайте в КПРФ». Я с семилетней младшей дочерью. Она спрашивает: «А сколько это стоит?»

...Здравый смысл, как всегда, принесли в жертву традиции.

Он вырос так медленно, будто ему отпущено лет триста.

Спиртное слишком упрощает людей. Я людей люблю сложными, тонкими, чувствительными. Трезвыми.

А ведь яркие краски полотен Ван Гога писаны с натуры! Просто разные у нас натуры...

О песнях. Смысл фраз беднее музыки их звуков. Поэтому на незнакомом иностранном языке все звучит красивее и романтичнее.

Новый, 2000 год. Европа, вопреки логике, встречает новое тысячелетие. Мы, следуя логике, нет. А все-таки обидно!

НУЛЕВЫЕ. ДОРОГИ И СТИХИ

1.

И при первой же возможности мы переехали из маленького южного города в огромный Город-на-Реке. Старшая дочь поступила в шестой класс лицея при консерватории, младшая — во второй класс ближайшей к новому дому школы.

Мне всегда нравился ростовский прогноз погоды. Раньше он начинался так: «Вчера в Ростове было плюс десять...». А теперь — еще интереснее: «Прогноз погоды. Погоду на вашем столе делают продукты мясокомбината „Ростовский“...»

— Ой, я хочу вот этот колокольчик! Знаешь, для чего они? Берешь монетку, кладешь ее под колокольчик и задумываешь желание. И не трогаешь, пока желание не сбудется.

— Здорово! И я такой же хочу!

Счастливые люди! А я почему не хочу?

В наших школах не учат детей очень важной вещи — спокойному достоинству. Ибо и учителя в массе своей им не обладают. Это надо объяснить детям с самого начала — и словами, и личным примером — и им удастся избежать многих детских травм и обид.

Семилетняя Лена объясняет подруге: «Сердце не слева, оно посередине. Оно стучит влево. Если ему когда-нибудь откроют — оно будет слева!»

Экстравертам легко и хорошо в церкви. Они хотят общения со священниками, они на исповеди самовыражаются. А интроверт — страдает, ему приходится себя ломать. Экстравертов большинство в нашем мире, и он под них заточен.

О компьютерном мышлении. Когда что-то сделаю неправильно по рассеянности — не за клавиатурой, а в жизни, тут же начинаю мысленно искать стрелочку — отменить операцию...

На вопрос, как живет Сережа с молодой женой, его однокурсница Аллочка ответила: «У них все направлено на то, чтобы продемонстрировать, как все хорошо. Поэтому никто не знает, как на самом деле».

Мы не умеем «дружить» изо дня в день. Это не для нас. Нас на это не хватает. Интроверты, поэты — мы встречаемся раз в два месяца — сияя глазами, обожая друг друга в эту минуту. Взахлеб рассказываем новости, поражаемся своей близости друг другу и непохожести на иных — и разлетаемся по своим планетам, обменявшись книжечками стихов...

Список нашла, кто-то забыл на прилавке: «Рис, краб, гриб, кукуруз, оливк, маянез». Рецепт, видимо. Ростов — город интернациональный.

2.

Работу я нашла практически сразу — недалеко от нашего нового жилья обнаружился проектный институт, я зашла наудачу — и меня приняли в отдел дорог и искусственных сооружений. И это выглядело чудом, не меньше.

Мне скучно разносить почту. А кому-то, кто много хуже учился в школе, это интересно. Мне интересно писать компьютерную программу. Хакер от этого уснет. Бог дал каждому свой порог скуки. Чтобы человек мог отличить свое дело от чужого и не трать жизнь на ерунду.

А ведь возможно, что мат для необразованного человека служит практически тем же, чем стихи — для образованного: возможностью, способом выразить невыразимое обычной его речью. Причем — эмоционально. Причем — с применением особых, специальных языковых средств.

В библиотеке лестница из гардероба на первый этаж. На ней, у поручня, один над другим выстроились четыре пятиклассника, пятый их фотографировал.

— Эволюция! — назвал фотографию один из мальчишек.

А у Набокова кофе — среднего рода! И какое же вкусное!

Моя подруга из маленького города, так и не найдя в нем работы, устав продавать овощи на рынке, уехала в Норильск. «Летом там жутковато, на уровне глаз висит желтая пелена». — «А зимой?» — «А зимой ее не видно, там полярная ночь».

Долгая поездка в автобусе всегда приводит меня в психоделическое состояние.

Во что только не одеваются ростовчане в сорокаградусную жару. Села в автобусе рядом с солидным мужчиной в футболке с отложным воротничком. И вдруг вижу на нем ярко-зеленые длинные трусы (не тянут они на шорты) с пальмами и бананами.

Впрочем, вел он себя прилично, соответственно верхней своей половине.

Психолог Литвак начинает меня бесить, хотя когда-то зачитывалась. Мой приятель его давно не любит — после того, как тот заорал на него в первую же минуту приема. Ответил: «На меня нельзя кричать» — и ушел.

А сейчас Литвак всем больным-невротикам говорит, что они должны поставить перед собой цель стать высокооплачиваемыми специалистами — и пока они не получают сто тысяч в месяц, не надо им претендовать на взаимность в отношениях...

Его прием стоит так дорого, он с такими кошельками привык общаться, что остальных уже за людей не считает.

Я слышала, что в одном из дагестанских языков более ста падежей! Знакомый филолог сказал, что это от неупорядоченности. Хаос, неразбериха.

3.

А представляете, если бы у Маленького Принца выросла Вторая Роза? Какой был бы поворот сюжета.

Про соседа-алкаша знакомая рассказывала. Он пел под баян: «Ты уедешь к северным оленям, в жаркий Туркестан уеду я». И плакал!

- Ты что, сам с собой разговариваешь?
- Почему сам с собой?
- А с кем?
- Вон ежик.

И правда, в траве сидел ежик, смотрел Мише в глаза и внимательно слушал его исповедь.

Мы со Светой едем поступать в ЦМШ при Московской консерватории. В поезде мама с девочкой из Нальчика говорит дочери: «Пойдем в музей». — «Да! В музей „Поля чудес“! И на выставку монстров!» — перечислила девочка все ей известные московские достопримечательности.

У нас в лифте маркером написали: «Сволочи, не курите в лифте!» Осталось дописать — что и писать на стенах тоже не надо!

Я верю людям. Поэтому всегда дочитываю книги, досматриваю фильмы до конца. А уже потом испытываю разочарование.

Когда мы после подробного описания левой стали обследовать правую береговую опору моста, меня одолел неподконтрольный смех, так и хотелось записать в журнале реплику ослика Иа: «Я так и знал, с этой стороны ничуть не лучше...»

Ростовское такое. Какой нерусский не любит быстрой езды?

Ростов. Немолодая кореянка, садясь в маршрутку, спрашивает водителя-дагестанца:

- До Родина довезешь?
- До чией?

(Есть у нас в городе кинотеатр «Родина».)

Рассказ знакомого о поездке в Новороссийск — в море плавают очистки и обрезки из корабельной кухни. Их выбрасывают на палубу; палубу матросы моют.

4.

Коллега, Ирина Петровна: «Я не знаю, откуда у нас в ящике берется картошка. Она всегда там есть. А у вас разве не так?»

Торговец сувенирами на рынке: «Восьмое марта длится неделю!»

Мама рассказывала о мальчике-троечнике, который легко решал любую задачу по математике, если ее ему перескажут про бутылки. Он их сдавал в свободное время и хорошо в этом ориентировался.

Помню первое свое недоумение, разочарование в Путине — когда написали, что он посетил концерт группы «Любэ», что Расторгуев его любимый музыкант... Поверить не могла.

Никак не вычислю, чего же во мне больше: природного (необоснованного!) оптимизма или природного (необоснованного!) пессимизма.

Человек чаще всего достоин большего, чем ему может предложить этот мир. Но бывают моменты...

Завотделением в больнице сидит за столом. Когда пациент подходит — она заглядывает под стол, якобы ищет что-то. В это время надо положить перед ней взятку. (Тут есть свой этикет — когда и как это надо делать. Чтобы не обидеть, так сказать. Чтобы человек мог принять взятку, не уронив своего достоинства.)

На работе (мы дороги проектируем) рассказали: исторический способ прокладки в горах новой трассы — вперед пускали ишака. Он находил самый оптимальный маршрут.

«Пошли помянуть на кладбище. Просыпаемся — никого нет!»

Мне снился мой же кашель — повторением одной и той же строфы.

5.

Проводница в сорокаградусную жару в вагоне без кондиционеров уговаривала всех покупать чай: «Хоть с собой возьмите пакетики! Нам же план на него дают!»

Когда на улице пытаюсь отключить мысленный монолог — дышать перестаю почему-то.

Начальник техотдела ДРСУ, читая письмо от заказчика:

— Нет, ты посмотри, что этот идиот написал! С какой любовью вывел каждую букву!

Я видела трогательную ростовскую картинку: жених, невеста, белое платье, шик, блеск, — и он вносит ее на руках в ободранную дверь старого ростовского дома, из тех, что в центре, которым уже по сто лет, с мрачными подъездами и наружными лестницами...

Мой знакомый Гиви Акакиевич как-то сказал, что русские демократичнее грузин. «Грузин станет доцентом — здороваться перестанет». К грузинке-сотруднице нельзя вечером домой позвонить!

Бывают люди этически неменяемые. Двоих знаю лично, к сожалению.

Мне примету рассказали на работе. Кто ест попку от арбуза, у того на свадьбе дождь пойдет. Нет, ну логично же, правда?

Время-деньги-здоровье. Все конвертируется одно в другое. Три вида энергии.

На задней площадке троллейбуса небритый парень смял в руках банку от пива — до плоского состояния — и просовывал ее на ходу в щель над дверью.

Перфекционизм зачастую говорит о том, что человек недостаточно загружен, ему бы на большее замахнуться с его способностями — а он себя недооценил, и теперь его энергия уходит на ерунду.

6.

На пляже в Коблево: «Кто не купит кукурузу — тот наступит на медузу!»

Идиотам в лесу всегда хочется вписать свои прописи на поперечных линейках коры бука. Все деревья исписаны.

Я не люблю «бывалых» поэтов. Если ты «знаешь жизнь», если тебя ничем не удивишь — поэт в тебе кончился. Хотя ты и владеешь все еще техникой по старой привычке.

СтройСтресс — хорошее название для фирмы.

А если серьезно — я предлагала назвать новую фирму «Подорожник». Меня не поддержали — слишком романтично, заказчики с недоверием отнесутся...

Омолаживающий крем «Дориан Грей».

Я недоумевала всегда: почему поджелудочная находится вовсе не под желудком? И вот осенило: она под ним, если человек лежит. Иначе говоря, в морге или в анатомичке.

Видела машину своей мечты. Марку не запомнила, хотя эти огромные буквы шрифтом типа «Arial» тянулись через весь бампер. Темно-серая, похожая на собаку, приготовившуюся к прыжку — то есть согнуты передние и задние ноги, мускулы — а середина худая. И мне показалось, что такая машина может прыгнуть. Или поджать бок — спасаясь от удара. Или втиснуться — чтобы проскочить в пробке. В общем, имеет мышцы, мускулы и интеллект. И потому гораздо безопаснее для человека.

Меня на улице окликнул бомж:

— Не хотите купить Чехова?

— А что именно?

— «Степь». Мое самое любимое.

— А как же вы решились продать?

— Видите ли, я Антона Павловича почти наизусть знаю, а вот вкус пива «Туборг» мне пока незнаком.

Ведь можно — в одном неброском ключе! — развесить по городу изречения мудрых людей, скажем древних греков. А через сезон сменить экспозицию — Возрождение. А к юбилею, скажем — одного Пушкина... Город станет осмысленным, мы почувствуем себя людьми, а не населением. И летом женщины всех возрастов наденут платья, а не стандартные квадратные штаны и майки. И уж мусор убрать везде, конечно. и все покрасить, что облезло, и в гололед песком посыпать. Не так уж это и дорого, вы на свой гребанный футбол в десять раз больше тратите.

Когда у тебя в гортани, в трахее, в общем, «в душе» физическая тяжесть отчаяния — очень помогает непонятно откуда возникший запах можжевельника.

7.

Женщина из Канады жаловалась: жизнь сейчас сложная, столько проблем... Наши удивились: как, в Канаде? Какие у тебя проблемы? Деньги есть, работа есть, у плиты не торчишь...

— Ну как же? А экология, а наркомания, а СПИД?

Все верно. Пирамида Маслоу в действии.

— Я «про любов» все книжки у Верки прочитала, теперь детектив читаю. А мой свой детектив забросил, тоже «любов» читает (разговор в маршрутке).

Об искусстве. Если трезво смотреть на мир и видеть его все время, со всем вниманием — очень устанешь. Это не под силу человеку. Обычному, среднему человеку нужна гармония более щадящая, уютная, мягкая. Это — искусство. Если бы КПД мозга был не два процента, а двадцать — мы бы не нуждались в искусстве. Мы бы видели мир. А так лишь пронзает на мгновение догадка о нем — и пытаемся ее до других донести посредством поэзии.

Как часто в раздраженной нервной атмосфере проектирования хочется найти обыкновенную простую тупую монотонную работу и сохранить нервы. Но знаю уже, что это самообман. Мозг привык к сложности и ее требует постоянно. И станет выискивать ее на новой работе — в косом взгляде, интонации, перфекционизмом займется... Не будет ему покоя.

Туман. Я хотела взглянуть, который час. Собора с часами — не было. Вышла из перехода — и пошла по облакам к остановке 45-го автобуса...

Света: «У нас Бимка — трагический актер». Когда мы его на полдня на цепь посадили за безобразное поведение, впервые в жизни — он так и стоял, глядя на нас вполборота укоряющим, до костей, взглядом...

«Ул. Иррациональная» — так прочла...

Иногда мат в стихах — как грязью в лицо. Ты-то расслаблен, возвышен, как в церкви, и вдруг — такое тебе. За что?!

Я летала иногда во сне — но всегда невысоко, рядом с верхушками деревьев, и сверху разглядывала землю. А не небо. Возможно, это мой потолок...

Слово «поумнеет» есть. А слова «почестнеет» и в языке-то нет. Как и явления.

8.

«Да ты сумасшедший, Господи!» — сказала она вслух, в ответ этой крайне неуместной сейчас яркости и радости — и подумала: ведь это все объясняет, всемогущ, но сошел с ума, яркость этого дня и есть его радость невозможному и несбыточному...

А кто-то уже спешил упрекнуть ее свысока — что ты понимаешь, девчонка — о божге. Не лезьте, сказала она, это до ваших чиновников мне не дотянуться, а бог — вот он, для всех открыт и доступен.

Приехала «скорая». Врач показывает свой ящик — «вот, у меня ничего нет». Даешь ему тысячу. Он кивает медсестре — «принеси». Та приносит из машины другой ящик.

Из радио в машине лилась песня по-итальянски, Света обнаружила, что понимает все наречия и предлоги — то есть все то, что встречается в нотах.

Если насыпать сахару возле вентилятора — это убьет компьютер.
Сахар в бензобак — то же самое.
Хозяйке на заметку.

В Дагестане проект дороги на торги выставили. Ставропольцы выиграли. Гип приехал на место, осматривается. Подходят двое с автоматами: «Мы сделаем сами, деньги отдашь тому-то, все понял?» Он теперь не знает, как же будет экспертизу проходить...

В четверг еще пойду зубной корень удалять. У меня абонемент.
Интересно, что чувствует мать-земля, когда мы корчем деревья?

Дети в музыкальном лицее придумали «ругательную» музыку. Кого-то даже отчислили за то, что сыграл эту музыку вслед преподавателю.

Когда я начинаю бег на месте, Аленка комментирует: «Begin, began, began...»

Когда сыну подруги исполнилось десять лет, она повезла его в Санкт-Петербург — потому что он там родился. И в Эрмитаже показала Данаю — вот, картина недавно вернулась с реставрации, плеснули кислотой. Гриша сердито отвернулся и сказал:
— Раз уж все равно реставрировали, что, нельзя было бюстгальтер дорисовать?

9.

Лена, пятый класс: «Хочу взять от жизни все, зачем мы сюда родились».

Выставка «Золото скифов». «Там того золота кот наплакал, а вход — двести рублей!»

О казачьем кадетском училище слышала от одного папаши одобрительное: «Их там порют...»

Взрослые стихи Введенского — не по мне. А вот детские — невероятны. Он, понимая неизбежность скорой войны, осторожно готовит к ней детскую психику...

Ирина рассказывала, как в Чернобыль забирали ее мужа Андрея. Пришла повестка — как в армию на переподготовку. Отвезли в Ковалевку (перевалочный пункт на базе местной психбольницы), оттуда сразу в Чернобыль.

А сейчас тетки-чиновницы из Союза чернобыльцев оформили документы на себя и на всех своих родственников — будто они там прямо на крыше саркофага сидели...

Моя младшая дочь после серьезной балетной подготовки танцевала в ансамбле при школе «Имидж» — это школа юных моделей. Мы в ней, понятно, не учились, у нас иные приоритеты. Школа платная, очень дорогая, но этот ансамбль существовал при

ней бесплатно, и мы вскоре поняли, для чего. Сами ученицы, «будущие модели», танцевали так себе. И в рекламных целях, чтобы заполучить новых учениц, на всяких смотрах и концертах выступал наш ансамблик. Школа не скупилась на красивые костюмы, руководитель была с фантазией и талантом — несколько лет ребенок был счастлив.

Дорожный строитель из Грозного Юсуп рассказал нам о пожаре комплекса «Олимпик». Там использовали какую-то облицовку, которую даже в Тюмени запретили применять, потому что она возгорается от солнечных лучей. Спасла здание звукоизоляция — внутри все цело! Тушить было нечем — пока не прилетел вертолет. «Восстановим — и назовем этот центр — „Феникс“!»

Наша буфетчица Таня умиляется своему внуку. Деточка говорит: «Все, пипец» — взрослые вокруг смеются. Деточка бьет маму, мама «плачет», а он: «Ну все, все!» — опять все смеются. А потом удивляемся — откуда что берется... В три года — еще не говорит почти.

Вика поставила машину на ремонт, ехала на работу в маршрутке. В это время ей позвонила подруга, она ей объясняла: «Я сейчас в этом... ну как это называется...» — и разводила вокруг руками, но вдруг споткнулась о враждебные взгляды соседей...

10.

Часто читаю вещицу чью-то, рассказ, пусть даже хороший, и мыслится все же — узко, ограниченно, урезано, в жизни это шире и разветвленное... И только побарахтавшись в совершенно запутанных дебрях своих черновиков, понимаю: не обрубив этих хитросплетений, не ограничив себя определенным объемом, не запретив разливаться мыслью по древу до полного офигения, до бесплодной усталости, вообще никогда ничего не напишешь. Сегодня моя задача — научиться писать маленькие законченные фрагменты жизни.

— И вообще, наверное, это важно. Надо свести свою жизнь, даже в духовной сфере, к кругу обозримых конечных дел, только тогда возможно какое-то продвижение, иначе весь пар уйдет в свисток.

Наш геодезист Петя рассказывал о подвигах своего детства. Как они с другом делали «шампанское» из рассола, вишневого сока и соды. Как он надел на себя угольные радионаушники и включил в розетку на 220. Как проводили дома в лоханке с дождевой водой «электролиз», и с вопросом «Ни фига не понял, где кислород, где водород?» зачерпнул из лоханки металлической кружкой...

Приходишь летом, в жару, на работу, к компу, под кондиционер — и будто переходишь в иную реальность, жесткую, киборговую, не имеющую отношения к лету, к пьяни травы, к реке, к июлю, к жизни...

Коллега Ирочка весит сорок семь килограммов, рост средний. Она долго пыталась разрезать курицу ножом, курица не давалась. Тогда она взяла садовый секатор, чтобы сделать надрез. Пружина секатора тоже не поддалась. Тогда Ира поставила ножницы

с курицей ребром на стол и легла всем своим весом на верхнюю ручку. Курица выскользнула, ножницы развернулись и больно укусили ее за живот, легко прорезав платье.

Балетный урок: разминка-шаг-стопа-спина-силовые-выворотность-колени. И так пять лет жизни у моей младшей.

Соседу временно нельзя пить — после укуса клеща. А он в магазине работает, бутылки разгружает. «А они ж так звенят — как дети плачут...»

В шахтинской библиотеке под патронажем Министерства культуры работают студии: литературная, краеведческая и эзотерическая...

— А я — тренажер для развития в людях христианского смирения.

В аптеке :

— Мне пластырь только немецкий! Наш следы оставляет и плохо держится!

11.

Талант — это океан Солярис. Только тронь его — и нахлынет непредсказуемое.

Стихи и проза — это производная от жизни, ее квинтэссенция. Они, по-хорошему, должны быть ярче и концентрированнее, чем сама жизнь.

Любят всегда — бесконечное. Конечное полюбить трудно.

Среди ночи, в два ноль восемь, меня разбудила эсмэс от «Мегафона»: «МЧС предупреждает — шторм, шквальный порывистый ветер, на Азовском море высота волн 1,4 м». Ну, спасибо, ребята. Значит, не буду сегодня в море выходить.

Диктор в автобусе: «Следующая остановка — улица Бабушкина!»

Все дети тут обычно начинают волноваться, говорить: мама, пошли! Бабушкина улица!

Киплинг упоминает Верещагина в повести «Свет погас»!

Забавную рассказали историю. Русские на автобане в Германии проехали свой поворот и от большого ума решили сдать до него задом. В них въехали. Полиция поговорила с теми, с другими, потом говорит русскому — езжай, тот совсем пьяный, говорит, что ты ехал задом.

Кавказ вокруг Сочи, оказывается, вот как устроен: у него северные склоны крутые, а южные пологие.

Я объясняла им, что сверхурочно работать не могу, потому что в свободное время гармонирую мир. Не могу ж я его бросить на произвол судьбы.

Вечнозеленый кустарник олеандр я всегда считала своим тезкой. Нет, ну правда же?

12.

Я думаю, в том, что на балет принимают не позже десяти лет, есть что-то психологическое — успеть встроить в подкорку человеку эту рабскую, по сути, дисциплину.

Чувства ритма нет у детей, которые не уверены в себе, — сказала мне музыкант-педагог. У меня, кстати, не было никогда. У моих детей — великолепное.

Первая же башкирская сказка в пересказе Платонова оказалась сказкой Пушкина о попе и Балде.

Свой возраст ощущаешь так: вдруг читаешь в фейсбуке рассуждения о советских реалиях — и понимаешь, что людям непонятны и поэтому очень интересны совершенно базовые какие-то вещи твоей молодости, о которых тебе и в голову не пришло бы говорить или писать, потому что это знают все вокруг, это как объяснять, что вода мокрая, так делал только Гришковец...

Лермонтов: «Кто не был на вершине Ивана Великого... тот не имеет понятия о Москве» — а туда пускают?

Помните такую песенку из 70-х: «Только девочки, только мальчики — и уже москвичи!» Вот вам она тогда нравилась?

Слышала авторитетное мнение — есть поэты двух типов. Если кратко: одни где-то работают, другие почти или совсем не работают, едва не побираются — вот им только и «открывается». Щас. Ленивым, безответственным, видящим лишь то, что сами соизволили впустить в свой мир, замкнутый, комфортный, без вторжений извне... Ничего им не откроется, кроме себя, любимых.

Часто садишься к компу и пишешь, пытаешься поймать за хвост прекрасное и ускользающее, пока оно в тебе — чем-то большим простого фактологического материала.

А если только набрасаешь факты по порядковым номерам — с тем, чтобы потом сесть и основательно все расписать — потом, когда сядешь — обнаруживаешь, что только факты у тебя и остались, а птица-зверь волшебный ускользнул.

Вот этой чудесной охоты причастившись однажды — пристрастишься до конца дней своих, никогда не разлюбишь.

Прямую речь ловишь — развесистую и неправильно-запутанную, как виноградные лозы. И чем сложнее и бессвязнее — тем понятнее и органичнее переданный ею образ.

Соломинка у меня ассоциируется со спасением, и ни с чем иным, и потому соломинка — мощнейшая вещь.

13.

Четырехлетний цыганенок на вопрос почтальона, какой у них номер дома: «А что ты мне за это дашь?»

Картина Лермонтова «Пляска грузинок на крыше сакли». Крыша не протечет? Из чего она? Грузинки довольно крепкие. Наша шиферная крыша, к примеру, и одной грузинки не выдержит, да еще пляшущей. У них там крыша плоская, покатая. Карагач?

Моя подруга в студенческие годы проходила практику на мосту через Кубань, по которому проходит граница между Краснодарским краем и Адыгеей. И они с девочками долго смеялись над увиденной картинкой: адыгейская крестьянская пара подошла к реке. Муж снял грязные разбитые чувяки, сел на камень, спустил ноги в воду. Жена заботливо вымыла ему ноги, вытерла, надела носки. Надела новые приличные туфли. И он пошел через мост в Краснодар — а она со старой его обувью — домой.

Говорят, мешать вилкой чай — гонять чертей.

Внезапно — об украинском языке в «Паркере Пайне» Агаты Кристи. «...Сказал он ей на каком-то мягком незнакомом языке. „Что это за язык?“ — спросила она. Он ответил — украинский» (цитата мною безжалостно переврана).

Река Разумная под Белгородом.

Возраста — нет. Это я знала давно, и с тех пор ничего не изменилось.

XXI век предъявляет новые требования — иметь быстрый нет, надежную почту, порядок в электронных архивах — простейшее правило, как руки мыть.

Рассказать вам кое-что о льготах для чернобыльцев? Сосед Андрей Павлович сам себе оформляет льготное место на кладбище и бесплатный памятник. Сам. Себе.

Это ж за сколько лет до Ньютона древние персы поняли, что действие равно противодействию, и стали делать копыя ломающимися, чтобы обратка не повалила лошадь или седока не вышвырнула из седла!

14.

Наш топограф Петр, подполковник запаса, курит на морозе и мрачно шутит: «Сегодня на обед холодец с курятиной».

Никогда не любила гладиолусы — за их яркость и огромность, пафос и жесткость. А недавно сестра мне рассказала, как они расцветают... Сначала самый нижний огонечек, за ним второй, и так и бегут снизу вверх, и даже на срезанном стебле — пока самый верхний бутон не раскроется — они будут цвести...

Сцена на перекрестке. Женщина рванула на красный по зебре. Регулировщик сделал ей замечание, она в ответ:

— Ну конечно! Вы-то уже на работе, а мы только туда идем!

Да ведь ты тогда только и человек, когда не можешь себе чего-то позволить, хочешь — но не можешь, не хватает времени, денег, здоровья, таланта, смазливости и т. д. — вся эта разница потенциалов тобой и движет, а если вдруг станешь равен сам себе — тут же пустота тебя охватит дикая...

Если бы у меня было две головы, одна левая, а другая правая — я бы отдохнула.

Попугай ревнует Ирину к зеркалу. Он ведь видел, что в этом стекле (увеличивающем) живет другая птичка.

На стройплощадку приехала журналистка.

- Садитесь! — приглашает прораб.
- Ой, у вас табуретка пыльная.
- Виталя, дай лист бумаги формата А три!
- Мне А четыре достаточно...

Два пацана обкурились, вставили бычок «в рот» дырявому ботинку и хохочут над ним до слез.

ЛИТО выступает перед студентами. Поэтесса патетически читает начало стихотворения: «Обледенелые деревья...» Зал взрывается смехом, она удивленно оглядывается. Другой поэт читает заголовок: «Нетопырь». Дружное ржание в последних рядах.

Поэзия — попытка аккумуляции какого-то нового вида энергии — неизвестного пока науке. Или психиатрам известного?

15.

Страсть к систематизации. Я отдыхаю, когда систематизирую. Отдыхаю от хаоса. Освобождаюсь от него. Оттого люди любят порядок в доме — чтобы компенсировать хаос в голове...

Одно из любимейших моих занятий — наводить порядок. В шкафу. В черновиках. В мыслях. Структурировать!

Только не в отношениях. Тут всегда должен быть первозданный спонтанный хаос. Я имею в виду отношения со всеми людьми абсолютно, а также с животными и растениями.

Я сладкоежка. Слушать третьи части концертов Бетховена — это как из булочек изюм выковыривать.

Дети о компьютерной игре:

- Так его что, нельзя убить?
- Теори... Теоречи.. Ну, короче, можно, но не получается!

Лена рассказала основные признаки монархии, аристократии, демократии. Удовлетворенно кивая, историчка уже занесла ручку над журналом и напоследок уточнила:

- Ну, и теперь скажи, какой же у нас строй.

Лена подумала и сказала:

- У нас, наверное, аристократия.

— Что?? — выпрямилась историчка. Лена догадалась, какого ответа она ждет. Но не могла менять свое мнение дважды в минуту. Поэтому молчала.

- Монархия? — донесся изумленный голосок с задней парты.

- Ага, конечно! Монархия! Путин — он же у нас король! — съязвила историчка.

— А что, вы хотите сказать, что у нас демократия?! — раздалось сразу несколько насмешливых голосов восьмого «б»...

Реальность не соответствует действительности.

Почему в Белом Клыке индейца зовут Серый Бобр, а не Серый Бобер? (По мнению переводчика.)

«Его шхуна была захвачена русским королем в Беринговом море. Вся команда отправлена на копи в Сибирь» (Джек Лондон. «Рассказы южных морей»).

Это дерево с толстыми молодыми ветвями — явно мужчина. Но в невестинном наряде. Странные ощущения от жерделы весной.

...Развивающие игрушки для кота.

16.

Говорят, собака привязывается к человеку, а кот — к дому.

Октябрь — особый месяц. В химическом составе воздуха появляется что-то такое, отчего страшно хочется писать стихи, мне во всяком случае. Возможно, запах опавших листьев и туманов приводит к такому эффекту.

Библия человечеству важна уже своей системой образов, единой для всех и разобранной на метафоры. Мы говорим — «Иона» — и нас понимают на другом континенте и верующие, и просто образованные. Это — вместо тысячи слов.

— Володька забыл асфальт ночью, три тонны вывалил на тротуар и забыл! (Утром орали на планерке, потом поехали долбить.)

Дом — это место, где ты живешь. А я дома только сплю да раны зализываю. А когда я мечтаю о жизни — дома, тогда мне представляется кавказский дом. В кавычках. Например, я бы готовила абхазские, грузинские, адыгейские блюда, заваривала бы чай с горными травами, посадила бы во дворе растения кавказского леса, у меня было бы много можжевеловых и берестяных предметов утвари и прочие подобные этнографические глупости...

Что ни говори о трогательной лицейской дружбе — а Кюхельбекер ведь стрелял в Пушкина! Всерьез, не по-детски. И мог убить...

Магазин «Цветочка» в Москве видела. Как слышится — так и пишется.

Молодой коллега: «Я не люблю фильмов о войне без крови. Надо же почувствовать!»

Он грустно замолчал — обозначив тем самым свое внезапное диалектическое фиаско.

Бывают люди, погасшие навсегда. Их едва ли не большинство. Их жалко.

17.

Говорят, в кавказских городах есть отдельная третья полоса на дорогах — для аксакалов.

Бабушка говорила иногда — укоризненно, очень выразительно: день — год!

Где-то в России есть река Золотой Ключик.

Говорят — и надо это проверить! — 25 марта в 12.30 ВСЕГДА выглядывает солнце!

Прихожу домой. Мой муж и хомяк-джунгарик дружно крутят велотренажеры — у каждого свой.

Концептуально — это когда нет таланта, но есть ум и воля. В общем, тоже неплохо.

Писать стихи — занятие куда более безответственное, нежели писать прозу.

— У нас, спасибо Волгодонской АЭС, ни жуков, ни тараканов... — в транспорте мужчина по телефону нахваливал наши места.

У меня рацпредложение, даже запатентовать хочу — цветные города! В дождливый пасмурный день всех людей более всего удручает, загоняет в депрессию — цвет асфальта! Ведь асфальт тротуаров и дорог попадает в наше поле зрения гораздо больше, чем красивые и яркие фасады домов! Но при наших-то технологиях, в XXI веке, — разве не можем мы сделать красивыми дороги и тротуары? Добавить краски — зеленой, люминесцентной, искрящейся снегом, листвой, хвоей... так, чтобы это излечивало от депрессии, вдохновляло и поднимало человека! Если нельзя без рекламы — и рекламу можно вписать в живой, благотворный город — так, что и она будет радовать и окрылять!

Хозяина рядом не было. Мобильник допел «Интернационал».

ДЕСЯТЫЕ. ТО ЛИ ВОЛЯ, ТО ЛИ НЕВОЛЯ

1.

Освободиться из паутины дел. Отбросить, простить себе лишнее, вырваться. Тогда каждое новое дело будет подарком, приключением, несущим новую радость. Появится импульс — что-то делать. А без импульса делать — рабство. Оно убивает душу.

Я родилась под Херсоном — куда Чичиков переселил когда-то своих мертвых душ.

Вот и все. Мне, всю жизнь подготавливавшей красивое завтра, пора закругляться, завершать свои дела, пусть коряво, вовсе не так, как представлялось, но хоть как-то. Пришло время жить настоящим.

Свободы хотят те, кто уже свободен. Ее ненавидят рабы, отчаянно защищая из страха свое рабство.

Ритуалы убивают в людях творческий потенциал. Они заполняют собой тот участок мозга, который отведен у человека — у каждого! — для творчества. Человеку кажется, что он творит — а на самом деле... Для человека действительно творческого

ритуал — обуза, обязателька. Они для бездельников. А тому, кто трудится, невозможно на такую ерунду тратить бесценное свободное время!

Быков так легко и крепко пишет свои «политические» стихи, что надо признать его гением — иначе поэзия просто девальвирует!!!

Здание вуза построено амбициозно, галерея с колоннами — переход только на втором и пятом этаже. На третьем и четвертом — тупик. В котором специально повесили камеру, чтобы фотографировать круглые глаза изумленных непроснувшихся первокурсников...

Ну да, если я сама себе не расскажу — я ж так ничего и не узнаю!

— А что у вас в этих суповых наборах?

— Да как вам сказать... Ребра зебры.

О путешествии автобусом — на российских дорогах можно писать в блокноте на ходу. На украинских только в телефон — трясет сильно.

2.

Культурный феномен «танчиков», игры, объединяющей молодежь разных стран и разных социальных слоев, во время игры они говорят обо всем на свете. Наша молодежь — инопланетяне, откуда у них эти их организации возникли?

Я буфер — по моим ощущениям. Я не могу слиться ни с одной из ваших стихий. Не могу — с технарским безразличием к изящному. К поверхностной одномерности, витальности, эмоциям по пустому поводу, равнодушию к значимым событиям в стране, ощущению себя винтиками, рабской покорности. Запойным радостям — когда этот праздник обсуждается и готовится за неделю, закупается спиртное, потом дожидаются «живой музыки» — и хвалят ее впоследствии, восхищаются, приплачивают за нее — за эти «черные глаза», «танцуй, Россия, не плачь. Европа, у меня самая красивая попа». И танцевать под это с искренним восторгом до закрытия, а потом ехать еще куда-то. Догоняться. А в понедельник утром обсуждать, что баранина была с душком, рыба сухая, а коньяк не настоящий. И так каждый праздник.

Но я не могу слиться и с противоположной филологической отрешенностью от реальной жизни. Витанием в эмпиреях стихотворного анализа — где от стиха берутся сложные производные или сложные интегралы — по принципу — бумага все стерпит. Это не математика, ограниченная логикой и достоверностью. Здесь каждого заносит куда угодно, и кому, зачем это нужно — трудно ответить...

Я не солиюсь и с политическим радикализмом ни с правой, ни с левой стороны.

Я буду «держатъ щит меж двух враждебных рас». Чтобы не были враждебными.

Нечаянно поздравила человека в фейсбуке с днОм рождения. Хорошо, вовремя заметила.

«Славное море, священный Байкал» — слишком мощная песня для беглого каторжника... Да и какая такая свобода его ждет, легко можно представить...

— Не пойму, то ли ты похудел, то ли глаза голодные.

О Ростове сегодняшнем. Я все же считаю, что в кукольном театре бога больше, чем в православной церкви. Знаете, когда звучит увертюра из «Щелкунчика» и сотни ясных глазок с восторгом ожидания чуда глядят на сцену — это бог... (Здание театра решением суда отдали церкви.)

Архангел Михаил взвешивает людей на весах. Ладно, хорошо. Но на картине Рогир ван дер Вейдена он двоих взвешивает — на одной чаше женщина-праведница, на другой мужик-грешник. Так нельзя!!! Ведь важен абсолютный твой вес, а не относительно чужих грехов!

По радио в маршрутке: «Дева-дева-дева-девочка моя...» Соседка: «Вот так всю жизнь и пропел эту песенку...»

Напротив памятника Стачке 1902 года в Ростове несколько лет назад произошел оползень, пересыпало тротуар, под угрозой обрушения оказались дома на краю обрыва. Оползень остановили, выстроили мощную подпорную стену, с площадкой для осмотра панорамы и памятника, с пешеходной дорожкой, с водоотводными лотками по склону. Бетонный фасад художники украсили изображением Дона, лошадей, казаков и казачек. Сколько миллионов составила смета, и насколько выгодным оказалось это сооружение конкретным исполнителям — можно лишь догадываться. Но совсем недавно над подпорной стенкой наметилась странная канавка сверху вниз по откосу. Как выяснилось — это опять протекла вот та самая труба, течь в которой и вызвала оползень.... Надежный ремонт этого трубопровода в смету, видимо, не заложили.

Утро по «медведевскому» времени (мы тогда зимой вставали на час раньше, помните?). На автобусной остановке слышу:

— Мама, а почему мы ночью в садик едем?

3.

Вуз, интернет — уже привыкли писать с маленькой буквы. Что, от времени правила упрощаются? Не энтропия ли это?

Внук моей знакомой любит петь в супермаркетах! Пока взрослые ходят вдоль полок — он становится посередине и громко поет. Будто попрошайка. Бабушка со стыда сгорает, запрещает ему, а он не понимает, почему нельзя. Ему хочется петь для людей!

В армии новобранцев спросили, кому выдавать сигареты, а кому — конфеты. Обманули. Конфет не дают, а так хоть сигареты бы давали некурящим, они бы выменяли на что-то хорошее.

Пацаны в овощном: «А давай купим на десять рублей картошки и будем кидаться!»

Говорят, в горах люди живее и энергичнее. Верю. Степь — зомбирует.

Меня загримировали перед интервью на телевидении, я вернулась домой весьма довольная своей внешностью.

— Да, — сказала Лена, — очень красиво. А ты и в маршрутке в таком виде ехала?

Прадед моего мужа умер в тюрьме в 1937 году. Как сообщили родственникам, от сердечной недостаточности. Родственники считают, что его убили.

Посадили за анекдоты о коллективизации. До нас дошел лишь один из них — что при коммунизме весь колхоз будет жить большой семьей в одном амбаре, а одеяло будут трактором натягивать.

Чтобы закончить стихотворение, надо это бесконечное, что есть в тебе, привести к конечному. Материализовать замысел.

Приятель рассказал о своем детстве. Ему десять лет. Кружок экологии в «дикие девяностые». Родители заставляли ходить! Преподаватель — псих: «Конец света через пять лет... глобальное потепление... парниковый эффект...» Недалекие дети смеются, прогуливают, не врубаются. А этот — верит! Не спит ночами, плачет, не хочет туда идти, его заставляют...

Стриптизерши-Снегурочки просят водителя подождать: «Мы вернемся через двадцать минут!»

4.

В моем детстве у нас дома все говорили по-русски, а на украинский переходили, только когда шутили или ругались. Он эмоциональнее!

Наблюдать за собой не менее интересно, чем за другими людьми. Даже интереснее — у других на лицах что прочтешь, кроме покерфейса? А у себя ты видишь все спонтанно возникающие эмоции, мысли, идеи. И если суметь разумом достаточно отстраниться от витально-эмоциональной своей составляющей — она предстанет такой забавной! И при этом ничуть не станет более управляемой.

Нет, это не шизофрения.

Вы думаете, если ребенок (вспоминаю Алю, Ариадну, дочь Марины), если ребенок в пятнадцать лет упрекает мать в том, что ей не хватает личной свободы — так это несчастный и затурканный ребенок? Нет! Этот ребенок знает себе цену и знает вкус этой свободы! Затурканный ребенок будет покорно терпеть и не помышлять о других вариантах. Он и не знает, что имеет права в этом мире.

Однокурсница дочери: «Что-то у меня самооценка падает. Срочно надо в зеркало посмотреть».

Говорить, высказываться — надо, интровертность тут не объяснение, не оправдание. Пока ты молчишь — для окружающих тебя просто нет, и стихов твоих не существует, и мнения твоего тоже.

Когда у меня будет свой поэтический сайт — я назову его NeverLibre. Да, там будет исключительно силлаботоника. Не из нелюбви к верлибрам — а потому, что нельзя объять необъятное.

Старики в поликлинике перед дверью хирурга. Он сидит напротив кабинета. Она на другой лавочке, в стороне, начала было причитать по традиции «ну о чем там так долго можно разговаривать...». Ее не поддерживали: всего трое в очереди, чего ныть?

Очередь продвинулась на одного человека. Старик позвал: «Таня, иди сюда!» — место возле него освободилось. Она подошла — и смотрит на него вопросительно. Он: «Что?» Она: «Ну подвинься же! Для меня мало тут места!» Он засмеялся и подвинулся. И они стали горестно перебирать подробности их визитов к разным врачам, которые то теряли анализы, то не знали диагноза, то медкарты путали...

Когда они вошли в кабинет, я ожидала услышать ругань из-за двери. Но нет. Все было мирно. Вскоре они вышли. Старушка невероятно сладеньким голосом повторяла: «Вот спасибо! Вот хороший доктор! Самый лучший доктор!»

И побрели к выходу по коридору, вилия и лавируя в этой опасной и недружественной жизни — единым неспешным утлым корабликом...

Прозу страшнее писать, нежели поэзию. Поэзии еще Пушкин позволил быть глуповатой — а прозе никто не позволял. И автор тут четко отделен от лирического героя, не спрячешься.

В барнаульском поезде — пять вагонов едут строить олимпийские объекты в Сочи! С наколками, бритоголовые, лица разбитые, пьяные, орут, матерятся, проводницу лапают, она вызвала полицию...

5.

Точки бифуркации превращают жизнь человека во фрактал.

Пошлость — когда чета потасканных актеров изображает любовь. В танце. В танго. Этот танец ограничен, приземлен, конечен. А когда молодые танцуют — он бесконечен.

А чем беспочвенники лучше почвенников?

Детям в школе гораздо полезнее познавать божий мир, а не церковные ритуалы.

Дух принимает и прилежание, и послушание — когда человек видит, ради чего. А если предлагают сизифов труд — умный рано или поздно непременно воспротивится.

Когда ты пишешь тело рассказа, оно, это тело, голое и незащищенное. Показывать его кому-то, во-первых, стыдно, а во-вторых — опасно для его жизни, оно ж как неоперившийся птенец. Поэтому откладываешь в сторону. А чуть позже — украшаешь перышками.

В детском журнале объясняют, что книги стоит читать для развития воображения. Не совсем согласна. Не для развития — а для кайфа воображения здесь и сейчас!

Дети соседские под окном орут — так их научили играть в детсаду — один прыгает на прыгалке свои упражнения, а остальные ему хором: «Дима! Дима! Катя! Катя!»

А когда споткнулся, сбился — все дружно и одинаково реагируют этим «у-у-у» из телевизора.

Их учат шаблонам, учат не доверять собственным эмоциям. Реакция по шаблону. Да и голова от такого крика превращается в резонатор.

Когда БГ в 2014 году выступил с политическими заявлениями — это было как — ангел спустился на землю. Посмотрим — много ли может ангел...

— А тебя я положу сюда, — переложила я наушники. Они потребовали обращаться к ним на «вы».

6.

В стране черт знает что творится, между тем стоит над миром божественный октябрь. И видишь ясно, что бог может любое чудо, но мы слишком тугоумный материал. И стали ему поэтому неинтересны.

— В очередях стояли? Ну что — общались... — рассуждает одна из девочек разлива девяностых...

Ага, я-то прекрасно помню наше «общение» в очередях.

Реальная награда — «звание лауреата отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка». Прямо напрашивается «лауреат фингала под глазом от великого поэта Есенина». Простите.

Сосед Тигран назвал собаку Эрдоганом.

Теперь-то я уже знаю, что человеческая жизнь на такую двужильность не рассчитана. Сказал бы мне кто об этом в начале...

Современная поэзия боится пафоса. Из-за этого впадает иногда в его жалкую противоположность — показное равнодушие. Да и в реальной жизни нынешний поголовный покерфейс как реакция на нашу же советскую «искренность». К пафосу у всех прививка на годы вперед.

«Горілка» — назывался магазин на Северном.

«Крымская» — маленькими красными буквами дописал хозяин вверху. Не так давно.

Неукротимые кабановские омонимы! Через пятьдесят лет их в школах будут проходить. А Саша Соколов вообще ведет текст вслед за омонимами.

В разных лонгах и шортах я часто оказываюсь первой — благодаря мощному лобби русского алфавита.

Начало аудиоспектакля «Бумбараш» (советского): «Это были времена, — захлебываясь от восторга, — Гражданской войны!»

7.

Стильные, уверенные, циничные и властные женщины СТАРШЕ меня всегда внушали мне доверие, уважение, надежду — что все в надежных руках. А теперь я вижу такой же флер в поведении женщин МОЛОЖЕ меня. И понимаю, что их энергия как

раз и уходит в основном на поддержание стиля. А не на хорошее исполнение своей работы. И только. А держится все совсем на других людях...

Мост на Менделихе (это Красная Поляна) похож на раскладушку — будто привезли, разложили и поставили в ручей.

Нельзя советовать автору, нельзя поучать автора, что ему писать. Никто не смеет этого делать, таланту — изнутри — виднее. Но можно подать голос, который может быть случайно воспринят — как шум листвы или реклама по радио, натолкнувшая на внезапный порыв в душе автора, — к которому он как раз и прислушается. Попытаться — без давления — можно.

Я ощутила непреодолимое желание писать прозу — именно почувствовав свою взрослость, ответственность за то, что здесь происходит. Потому что хочу и могу объяснить и переубедить неправых, потому что говорить — надо — люди эмоциональны, а не логичны, их МОЖНО переубедить. Надо стараться.

Все блогеры — экстраверты. Я интроверт, мне их не понять никогда.

Я заподозрила, что мода повторяется через поколение. Например, брошки на пальто носила моя мама и носят мои дети.

Я бы сказала — все, что не убивает нас — делает нас нервными, больными, закомплексованными, раздражительными, осторожными и старыми.

Церковь с якорем вместо креста. Церковь Федора Ушакова на адлерской трассе. (Я подумала, что у меня галлюцинация.)

Наши новые соседи вывесили флаг России над входом в дом. Во дворе постоянно режут дети и орут матом взрослые — на детей и друг на друга. Зато патриоты!

В детском саду под окнами нашего офиса первого и двенадцатого июня проходили торжественные линейки для малышей — с гимном России и криками «ура».

8.

А союз двух языков в одной голове — богаче одного, знаете ли! Возможность перейти на украинский — когда хочешь пошутить, радикально сменить тон, съязвить, сыграть роль — так же прекрасна, как в украинской речи внезапно перейти на русский — в тех же ситуациях и с той же целью! (А как это было у Ростовых, например? Как они чувствовали, что пора перейти на французский?)

Свой путь земной пройдя до половины, я начала понимать наконец, что каждое дело требует не рывка, не нервного срыва, не истерики, не начала новой жизни, — а всего лишь определенного промежутка времени напряженной сосредоточенной работы. Путь холерика.

— Нет у них мягкого знака, они же дикари!

Соседка — мужу: «Ты ж как жабенок у нас: поел-поспал. Хорошо еще, что Дюймовочку не просишь».

С чувством перевыполненного долга.

Хиджабы и шейлы на «закрытых» мусульманках в Ростове-на-Дону еще десять лет назад выглядели вызывающе, и позволяли их себе только самые отчаянные — или недавно привезенные с гор строгими мужьями. Сейчас стали просто модной фишкой. Ростов — он и не такое переварит.

Валидатор оглашает возраст женщины на весь салон — «пенсионная оплата». Всматриваюсь — как молода!

Путин сейчас беспечно играет Маховиком Времени.

Радио на улице вещает: «Нужно подарки родным прикупить, праздничный стол поскорее накрыть, но до зарплаты еще далеко — вам „Быстроденьги“ помогут легко». Чудно. То есть все знают, что работающий человек у нас без кредита даже Новый год не может себе позволить...

Человеку нужен уверенный хороший вкус — чтобы не задохнуться и не утонуть в этом..., не дать сбить себя с толку.

9.

Женщины лет семидесяти-восемидесяти интеллигентно, вежливо, с хорошими интонациями — советское наследие, достоинство — рассуждают о том, где дешевле купить сахар, вермишель... Это не мещанство. К этому разные сволочи свели их жизнь.

Не давать вовлечь себя в чужую паранойю, жить своей!

Я аж вздрогнула от звонка на мобильнике у одной девочки в автобусе. Песенка такая, крик души. «Откройте дверь! Выпустите меня отсюда!»

На дне Таганрогского залива лежит якорь, стоят четыре лодки. Трещины огромные, нога проваливается. Люди уже ходят, просохло, ветер сильный. На полторы сотни метров воду отогнало от берега. Там каждый год осенью такое случается!

Смысл жизни в радости. Радость возникает спонтанно в самых неожиданных ситуациях, но содержание ее можно свести к следующему — хаос перерабатывается в гармонию. Не замещается ею извне, нет. Ты ощущаешь, что это ТЫ сейчас обратил в гармонию часть мирового хаоса. И это радость.

Большинство людей чудовищно косноязычны, они не могут себя объяснить. Возможно, это одна из главных бед человечества.

Спорить можно с единомышленниками. О каких-то мелких подробностях, деталях. А если человек вообще смотрит на мир с другой колокольни — ну какой смысл с ним спорить?

Не только физический труд — проклятие человека. Механистический умственный труд — это еще хуже.

Россию спасали и спасут только фанаты — неприятные люди, маловитальные, малочеловечные, преувеличивающие и передергивающие, ортодоксальные, непрощающие. Они трудны, невыносимы, они за своей правдой не видят обычной жизни, радости, света и любви, они заточены только на победу.

А нас, жизнелюбов, легко перешибить. И детей-внуков мы не защитим, вся надежда на этих, оголтелых.

Ну какая прелесть! «Заведено уголовное дело против преподавателя китайского, который шесть лет преподавал студентам придуманный им язык»!

10.

Смайлики — разные картинки, иногда гифы — новое слово, блин, в литературе! Иногда растерянная собачья морда — лучше тысячи слов!

Было недавно — когда сын чиновника сбил кого-то на зебре — за ночь перерисовали эту зебру...

Не надо бы путать рабскую психологию с патриотизмом.

Когда слушаешь, что вокруг говорят люди — возникает подозрение, что все умные сегодня в изумлении помалкивают, а говорят — все остальные.

Сейчас вообще дети на воздухе играют? Не видно их как-то в ростовских дворах. Дома за компом сидят? Родители выпускать опасаются? Такой видела славный порожек с торца дома — к замурованной двери. Сам бог велел детям на нем — под тенью арки! — в жару собираться. Так нет же, никого...

Нам приходится вдумывать в шедевры, в мировую литературу свои мысли, привязывать ее, за уши притягивать к своей брэнной жизни. Потому что иначе мы, во-первых, не знаем, КАК нам жить, а во-вторых — не знаем, зачем нам это читать. Нам нужны психологические подпорки, подтверждение своей правоты. Чем больше читаешь — тем меньше сомневаешься в своей правоте.

У нас вдруг стали проводить опросы на улицах: что вы думаете, полезно ли питаться в «Макдональдсе»? Ответ одного из опрошенных:

— Ну... Тут соотношение пользы и вреда, пожалуй, в пользу вреда...

В маршрутке мужики рассуждают про Обаму: «Как мы этим неграм всегда помогали — а они что делают?»

Я программу «Утро» не смотрю, у меня, к счастью, вообще телевизор сломался шесть лет назад. В него тогда шаровая молния угодила. А на работе рассказывают — новый тренд сегодня: людей пугают. «Детские сады забывают, это пережиток социализма, пенсии — то же самое». Щуп выпускают. Ждут, на какой же точке мы возму-

тимся-то. Обучают, как экономить электричество: «Сначала погладьте хлопок, а потом остывающим выключенным утюгом — синтетику».

Время сейчас такое, что вслух ему радоваться просто неприлично, люди не поймут такой неразборчивости.... Но присущая изначально человеку витальная радость прорывается, слава богу, в любую эпоху.

11.

— Мне нравится смотреть, как ты одеваешься. Старею, что ли?

Как писать? Вот как все растет на Кавказе и в Крыму: лианы обвивают буковый ствол, самшит сплетается с ясенем, ветви тиса свисают с дубового ствола. Так ведь и в человеческой жизни. Так и должно быть.

Как-то сейчас стало неудобно, что ли, проявлять скандальную эмоциональность прошлых лет, предыдущих поколений. И другая крайность наблюдается — полнейший покой и безразличие даже в критических ситуациях. В маршрутке человек спал с открытым пивом в руке. Пиво лилось и лилось на пол. Все видели, никто ничего не сказал.

Ленка: «Мы с ним поссорились. Я наговорила гадостей и обиделась».

Правда — довольно важная общечеловеческая ценность. За нее многие даже умирали. С ней нельзя ТАК обходиться, как это делают наши телеведущие и журналисты. Мне физически неприятны люди, которые с правдой ТАК обращаются.

В юности все так тесно и причудливо переплетено — как в джунглях — такие сложные отношения друг к другу — и в дружбе, и в любви, и в несбыточных мечтах... И понятия не имеешь — кто ты, какой ты в глазах человека рядом с тобой, нам не дано предугадать...

А с возрастом светлеет лес.

Юг Украины, женщины в автобусе увещивают скандалиста: «Дядьку! І охота оце вам — з самого ранку? Людей побачів. З камишу виліз».

У Лены на факультете каждый год читают лекции о вреде наркотиков.

Неопрятного вида чувак, ставя ударения не на те слоги, сказал: «Вот вы сейчас думаете, что это вас не касается. Напрасно, это коснется каждого».

Ростовская картинка. Утро рабочего дня, давка в маршрутке. Энергичная бабушка с розами едет в церковь, очень переживает, что не сможет пробиться к выходу, все норовит деньги водителю передать. У церкви она ему:

- Спасибо!
- Вам спасибо! Помолитесь за меня!
- Э... хорошо! Имя как?
- Арман!
- Пóняла!

2014 год. На Пушкинской к нам подбежал семилетний мальчик-таджик, темноглазый, стриженный. Куртки — в ноябре — на нем не было.

— Подайте на хлебушек... — ладошка-рыбка.

Потом твердо добавил:

— Я — беженец.

— Откуда? — удивилась я. С каких это пор таджики — беженцы.

— С Украины.

— А врать нехорошо.... Из какого ты города? — спросила я.

— Я сказал — Украина.

— Украина — это страна. А город какой?

Паренек задумался, потом сам себе, одними губами, вопросительно пробормотал: «Ташкент?»

— Забыл.

12.

В одной из недавних лекций Быков рассказывал, как сложен для чтения роман Толстого «Воскресение», как мало людей, прочитавших его до конца — тем более — для души, не ради работы, не по принуждению.

Между тем это была ЕДИНСТВЕННАЯ книга, прочитанная в жизни моей полуграмотной бабушкой. Она читала ее очень медленно, больше года, очень хвалила. Очень переживала. Ее собственная жизнь была такой — что тут граф Толстой отдыхает...

У нас точно все законы отменили и люди действуют щупом — где противодействие возникает, там немного сдают назад. А если народ молчит — прут дальше. Девочка на работе рассказала, у нее ребенок в детсаду: на собрании родителей порадовали, что они должны купить в каждую группу посудомоечную машину, два разных пылесоса и новую посуду. Кроме того, ежемесячно по сто рублей на «охрану» с каждого и «на ремонт».

Дюны бывают живые — тогда они белые — и мертвые, серые.

— Да неужели честь стоит двадцать четыре рубля? — пафосно вопрошал в микрофон водитель автобуса. Он, видимо, был рыцарем тевтонского ордена. Вопрос риторический, ибо пенсионерка, вошедшая в последнюю дверь и не передавшая за проезд, докричаться до него не могла. «О господи, да скажите ему, что я на конечной подойду с карточкой и оплачу...» — сокрушалась она. Нам всем, набившимся, как селедки, в этот автобус, было жаль водителя с его истерической «честью».

Она не дождалась конечной, подошла к нему на ближайшей остановке: «Да не волнуйтесь вы так...»

Саратовские впечатления — ярмарка «Купечий разгуляй», магазин одежды «Пеплос» (целая сеть), маникюрный салон «Ногтепильня». Из национальной кухни — «халлял», «ризык», то есть разрешенная для мусульман пища.

Саратов открылся внезапно и пугающе — так открываются миры во сне. Наяву так не бывает, не может быть, не должно — слишком хрупко, слишком красиво. Нависающие края обрывов — и синие рукава Волги под самым горизонтом. А между ними, в долине, — крыши, крыши, крыши, дома в основном маленькие, одноэтажные, зажатые в пугающем кольце стихий.

Нет, кавказские горы, окаймляющие города, — они мягкие и милые, а эти заостренные, оползневые, грозящие коррозией и селями...

В 1917-м было тоже так много поэтов. Бессмысленных, пафосных, ярких.

Почему-то некоторые стихи сами у меня просят перевести их на украинский.

Два мужика серьезно толковали на улице.

— Вот он Ленина похоронит — и тогда скажет: а теперь я буду царем!

Девочка лет двадцати пяти, в лифте, в офисном здании, подруге: «Я голосую за Жириновского всегда. Посмотри — он один правду говорит, не боится никого. И еще он людям помогает. У моей знакомой были серьезные проблемы, она обратилась в ЛДПР — и они ей помогли!»

13.

Я пришла к выводу, что жизнь моя была бы вполне приемлемой, если бы не потребность писать. А так — мне всегда катастрофически не хватает на это времени. То есть — вскрытие чукчи показало, что чукча умер от вскрытия.

Не забыть поздравить с 23 февраля знакомых мужчин и не забыть, что мужчин из Украины как раз не следует теперь с этим поздравлять...

Мечтательные пылкие натуры постигают эту простую истину далеко не сразу — для того, чтобы что-то СДЕЛАТЬ, довести до конца — надо иметь не только идею, талант, вдохновение — но и кусочек времени, покоя...

Закат над Портовой такой был сегодня — будто написан на полотне еще неведомым Ван Гогом. Таких линий и красок пока не было — а между тем это именно живопись, хочется немедленно взять кисти и воспроизвести — хоть рамы и помешают... Даже мне, не умеющей рисовать, хочется воспроизвести...

«Как написать рассказ?» — забавляясь, спрашиваю у гугла. «Как написать ра...» — «Рамзану Кадырову», — услужливо подсказывает гугл...

Слишком дисциплинированной была вся моя жизнь. А иначе и нельзя было. Иначе было бы плохо людям вокруг меня — а я не должна была этого допустить.

Водитель маршрутки такой хам, что даже смешно. Сначала — мне. Я спросила:

— Можно вперед сесть?

Косо меня оглядел, процедил с сомнением:

— Ну, не знаю, женщина. В вашем возрасте...

Потом не остановил возле памятника на Портовой, хоть и просили. Только у светофора ему уж пришлось встать. В ответ на возмущение женщины отмахнулся:

— Ой, ну пройдете сто метров. Хоть похудеете!

Мой земляк, тоже теперь живущий в Ростове, недоверчиво слушал мои уверения, что на Украине все хорошо, а в Одессе так вообще солнечно и радостно. А потом вдруг засмеялся:

— Я когда в армии служил, во внутренних войсках, нас в Карачаево-Черкесию послали. Перед этим рассказали, что там межэтнический конфликт, каждая нация требует, чтобы президент был именно от нее, и что там теперь почти что гражданская война на этой почве.

Приехали. А там все хорошо, все в тапочках по улицам ходят, добрые и к нам, и друг к другу, и на политику всем наплевать...

Мое открытие — прекрасное не может себя изжить. Как рассвет. Он прекрасен в веках и не может надоест. Так и поэзия. Наши жизни короче жизни прекрасного.

Говорят, был в Ростове недавно случай — заместитель мэра заблудился в подземном переходе. Растерялся, выход не мог найти!

14.

Даже графоманские стихи на украинском языке звучат божественно.

Возраста нет. Все мы живем так недолго, что успеваем узнать об этом мире лишь малую долю возможного. И даже от этой малой доли устаем до смерти. Так что все практически дети.

Налоги от янтарного промысла в Калининграде получает Москва — они там вовремя сориентировались и все приватизировали в девяностые.

А черный необработанный янтарь оптом увозит Китай.

Нет, культура не развивает человека. Из нее он способен взять лишь то, что знает уже. Иного он не приемлет. А вот то, что знает, но подзабыл или не может сформулировать, оформить — возьмет.

А развитие души, познание нового для нее — идет через любовь, через природу, через страдание...

Правая рука в гипсе, ее беречь надо — а это непросто, она ведь инстинктивно бросается на выручку, когда рядом что-то падает, мозг не успевает ее остановить.

Видела ежа с куриной косточкой в зубах. Много думала.

Для написания прозы нужен ровный и сильный огонь. А стихи — это одноразовый подвиг.

О своем опыте обычно не пишут — думают, что он «как у всех». А у других совсем не так!

Прямо перед пляжем резвятся дельфины. Дети повизжали от восторга, потом уверенный мальчик сказал: «Дельфинарий, что ли?» Он таким образом приводит непонятное к понятному, необъятное к конечному.

В передаче Быкова у какого-то его гостя — технаря по образованию, но и литератора — спросили: есть ли некое преимущество в литературе у технарей? Я мельком успела подумать: чтобы ответить на этот вопрос, человеку нужны две жизни, чтобы

он на своей шкуре мог сравнить. Я порадовалась ответу Д. Л. — он сказал, что в голове технаря фраза формируется легко, быстро и однозначно, очень логичная и не допускающая двойных-тройных трактовок. Мозг лучше тренирован, одним словом.

15.

Наш президент всегда опаздывает... Может быть, он просто живет в другом часовом поясе?

Все зачем-то ищут новый язык. Мне же видится, что в нашем нынешнем — молодом! — языке еще черпать — не исчерпать.

Накануне года Свиньи — объявление:

«Вас поздравят Дед Мороз и Снегурочка. Шоу с участием живого поросенка».

Лавашивили. В Питере много чудесных названий.

Знакомый пианист придерживается принципа — исполнять своих любимых современных (и не только) композиторов — а не популярных.

— Если в зале больше двенадцати человек — у меня уже ощущение, что я продался.

«Новый Афон» Т9 решительно исправил на «новый айфон».

У водителя в телефоне: «Вставай, страна огромная». Вся маршрутка нервно задержалась.

На море беру напрокат сап — доску с веслом, на один час.

— А как я узнаю, что час прошел? (На мне ж только купальник.)

— Через час обычно всем надоедает.

Ненормативная логика.

В поезде предлагают товары для детей, в том числе ручку, которая пишет красивым почерком. Ручки пользуются спросом. Продавец:

— А те, которые пишут без ошибок, уже закончились.

16.

Если тебе скучно — значит, ты занят не своим делом. Бог не на то послал нас на Землю, чтобы нам тут было скучно.

Я люблю ломать язык сложными необычными названиями, именами, звуками гортанными...

Галерея на улице возле художественной школы. Дети нарисовали своих мам. Безжалостно и правдиво.

Я рассказала дочери о том, что книга Астаховой тиражом десять тысяч разошлась за неделю. Говорю — значит, есть у людей потребность в поэзии, просто им вот

это подсунули. А настоящее им больше понравится. А она говорит — не так. У людей потребность считать себя в теме, в искусстве. Им сказали, что это мейнстрим — и они этот мейнстрим покупают.

...Здравый смысл, как всегда, принесли в жертву традиции.

«Квартиры для сильных духом» — рекламный баннер.

Сколько литературных сюжетов возникало из нашей советской нищеты — когда подаренная мелочь, вещь необходимая, дефицитная, обретенная внезапно становится событием. А потом мы эти вещи перестали замечать. И слава богу. Мы стали от этого человечнее, лучше.

Он вырослел так медленно, будто ему отпущено лет триста.

Тусить и прикалываться хорошо — если с главным содержанием твоей жизни все норм, настолько норм, что говорить об этом — пафос. А если главное под ударом, а ты прячешься в тусу — ты трус. А если главного в тебе нет — ты глуп. Продолжай прикалываться, что тебе еще остается.

— На улице уже холодно без маски.

— Да, я тоже сегодня маску потеплее надела.